

На правах рукописи

ТУЗОВСКИЙ Иван Дмитриевич

**ОБРАЗ БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
КОНЦЕПЦИЯХ**

(на материале анализа футурологии и антиутопий)

Специальность: 24.00.01. – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии

Челябинск - 2009

Работа выполнена на кафедре культурологии и социологии ФГОУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусств».

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Владимир Самойлович Цукерман

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Алла Борисовна Костерина

кандидат культурологии
Екатерина Леонидовна Трушникова

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Челябинский
государственный педагогический
университет»

Защита состоится «24» декабря 2009 г. в 11⁰⁰ на заседании объединенного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ 210.020.01 при ФГОУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусств» по адресу: 454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, д.36-а, ауд. 206 (конференц-зал)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГОУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусств».

Автореферат разослан 24 ноября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии, доцент

Ю.Б. Тарасова

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Рассуждения о том, что человечество находится на одном из переломных этапов своего развития, в социально-исторической точке бифуркации, стали своего рода «магической формулой» современной науки и общественных диспутов. Вопрос о том, куда мы движемся, ожидает нас углубление кризиса современности или же его благополучное разрешение, сегодня более чем когда-либо актуализирует проблему прогнозирования человеческого будущего. Однако не сегодня и не вчера впервые была поставлена проблема предсказания или прогнозирования нашего завтра.

Проблема будущего является одной из сквозных проблем «обыденного» сознания каждого человека и рационального познания мира. Она возникает практически во всех отраслях знания в той или иной форме.

Такое внимание закономерно объясняется многими факторами и определяет позитивную актуальность исследований будущего: в научном поиске, в художественном творчестве, в «житейской мудрости» обыденного сознания. Без представлений о будущем невозможно осуществлять управление не только человеческим обществом, но и собственной жизнью. Это справедливо отмечалось и в научных дискуссиях, и, неоднократно, в художественном творчестве. В этом смысле исследование будущего приобретает как теоретическую, так и вполне практическую прикладную актуальность.

Вместе с тем дискурс будущего может порождать уродливые социальные феномены – кризисные мировоззрения эсхатологического характера, спекуляции на поиске человеком смысла жизни и истории, которые производят как тоталитарные секты, так и общественные и политические движения контркультурного характера.

Обозначенные нами проблемы требуют не только и не столько анализа трендов развития и построения очередной картины «мира завтрашнего дня». Эти проблемы актуализируют в науке исследования второго порядка – исследования исследований будущего. В этом смысле весьма актуальна проблема, также актуализированная в науке и художественном творчестве, например, в «заочной» дискуссии двух фантастических романов-эпопей – «Основания» А. Азимова и «Дюны» Ф. Херберта: является ли прогноз жестким предуказанием или фактором, который сам по себе изменяет линию развития? – так необходимо формулировать первоочередную проблему исследований дискурса будущего. Ведь если прогноз является – в сколько-нибудь значительном числе случаев – предуказанием, то встает и проблема этической и социальной ответственности прогнозиста. А это

точно так же может привести к новым спекуляциям будущим – теперь уже основанным на сознательном построении неверных, но имеющих манипулятивную ценность прогнозов. В ограниченном объеме человечество столкнулось с такой формой спекуляции, правда, на краткосрочных прогнозах – в политической предвыборной борьбе.

Для Российской Федерации, как для государства, вынужденного идти по пути «догоняющего» развития и стремящегося при этом войти в когорту развитых постиндустриальных стран, такое исследование тем более актуально, что поможет критически осмыслить опыт западной прогностики и социального управления в этом направлении. Такое исследование не столько позволит избежать ошибок, совершенных странами Запада, сколько дает возможность подготовиться к наступлению определенного рода «незапланированных последствий» социально-экономического и политического реформирования.

В силу всех обозначенных выше обстоятельств и замечаний мы считаем исследование дискурса будущего в современном социокультурном пространстве актуальной проблемой. Необходимость такого исследования имеет как теоретическую природу поиска смыслов человеческого бытия и исторического развития цивилизации в целом, так и вполне прикладной характер базиса практики управления. Подобного рода исследование необходимым образом является междисциплинарным хотя доминантой его является изучение культурного пространства социокультурной динамики. В этом смысле, на фоне политологических, социологических, философских исследований необходимо изучение образа будущего в поле культурологического знания

Проблема исследования заключается в определении места и роли в формировании образа будущего двух культурных феноменов, имеющих множество точек соприкосновения: научного футурологического прогноза и художественных антиутопий как феномена творческого поиска. Антиутопии имеют «фиксированную» пессимистическую позицию относительно человеческого будущего. А футурология, в подавляющем большинстве случаев, стоит на оптимистических позициях. Конечно, это не означает, что футурология не ставит проблемных вопросов относительно человеческого развития, однако в русле большинства концепций торжествуют позиции технооптимизма. Сравнительный и обобщающий анализ футурологических концепций и образа будущего, который формируется антиутопиями, позволяет поставить и решить вопрос о том, каким образом воспринимает будущее как грядущую объективную реальность человечество в целом.

Степень исследованности проблемы. *Проблема времени* и будущего как одного из его модусов привлекла внимание людей задолго до становления классической науки. Попытки осмысления феномена времени мы отмечаем в работах древнегреческих философов – Демокрита, Гераклита, Аристотеля и т.д. Логическое схоластическое осмысление получила проблема будущего в средневековой Патристике, в контексте дихотомии «время – вечность», в частности, в трудах Св. Августина.

Историческое и социальное время исследуется в рамках попыток генерализации исторического процесса, философской концептуализации развития человечества в XVIII, XIX и начале XX веков. Это работы Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера и т.д. Представления о «фундаментальном времени» изменили релятивистские концепции А. Эйнштейна, теория хаоса и синергетика, разработанные, например, в трудах И. Пригожина.

Проблемам исторического, социального, «фундаментального» времени посвящены диссертации Р.Н. Верхошанской, Н. В. Гриценко, В. Ф. Диденко, О. П. Зубца, С. А. Ковальчука, К. Н. Павлюца и пр.

Изучению дискуссионных вопросов социального восприятия времени, соотношения фундаментального и концептуальных времен, особенностям цивилизационного восприятия времени и пр. посвящены исследования А. М. Анисова, А. М. Бекарева, Н. В. Буковской, М. Н. Громова, А. И. Гулидова, Е. А. Корягиной, Л. В. Логуновой, Т. П. Лолаева, О. Ю. Матвеевой, А. И. Миргородского, Н. И. Моисеевой, Я. Петерса, А. С. Пономарева и др.

Разработка понятий социального и исторического времени применительно к социальной прогностике, концептуализации современности и будущего развития, методологии прогнозирования и общему анализу футурологической традиции даны в работах Я. Ю. Васильева, Е. Голоцана, З. О. Губбеевой, В. В. Деркача, И. К. Калимонова, С. Г. Кара-Мурзы, Д. М. Коломыща, И. В. Леонова, А. Ослона.

Необходимо отметить исследования О. А. Солоповой, в значительной мере раскрывающие проблематику влияния образа будущего на актуальную в настоящем политическую реальность; статьи С. И. Ануфриева, А. А. Грякалова, Т. Ф. Гусаковой по анализу понятия «современность» и социальных перспектив развития культуры, исходя из современной ситуации.

Заслуживает внимания попытка классификации современных футурологических подходов (по критерию их методологии), предпринятая Р. И. Вылковым.

Социально-философская и культурологическая разработка дискурса будущего дана в диссертационной работе В. О. Люльченко. Анализу понятий «социальная перспектива», «модель будущего», «образ будущего» посвящены диссертации Л. В. Ракитянской и Б. С. Сивиринова. Проблематика развития западноевропейской традиции прогнозирования и перспективам западной цивилизации специально освещена в диссертационном исследовании А. И. Молева.

Проблемы осмысления современного общества как переходного, анализ отличительных черт и специфики концепций постиндустриального и информационного общества даны в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Круг исследований постиндустриальной и\или информационной тематики на сегодняшний день необычайно широк.

Проблематике формирования постиндустриального общества и связанных с этим как в настоящем, так и в социальной перспективе потрясений посвящены исследования Д. В. Иванова, А. В. Истюфеева, Е. В. Неходы. Весьма оригинальная критика концепций постиндустриального и информационного общества дается в статье Г. В. Телегиной «"Общество знания", "экономика суперсимволов", "образование через всю жизнь" – магические заклинания или новая реальность?» и В. С. Цаплина «Постиндустриализм: оправданы ли претензии?».

Понятию «информационное общество», специфике процессов коммуникации (в том числе и политической) в условиях развития среды Интернет и пр. посвящены диссертации А. А. Муратова, М. В. Платоновой, Е. А. Путиловой, А. В. Рунова. Освещаются социальные, экономические, культурные и пр. аспекты «информационной революции» в статьях и исследованиях С. Гриняева, А. Давыдова, А. Д. Елякова, Я. Н. Засурского, А. А. Кононова, Г. Л. Смоляна, Л. А. Коробейниковой, И. Н. Курносова, И. А. Мальковской, А. Г. Мовсесяна, Ю. Г. Просвирина, О. Г. Юренкова и пр. Специальный анализ феномена Интернета, явлениям виртуальной социальности и пр. проводился такими исследователями, как М. В. Каткова, Н. В. Корытникова, Н. Н. Лапченко, А. И. Ненашев, А. Черезов и др.

Среди зарубежных исследований необходимо отметить, в первую очередь, критические труды М. Кастельса «Галактика Интернет» и «Информационная эпоха», Ф. Уэбстера «Теории информационного общества», А. Турена «Возвращение человека действующего», З. Баумана «Индивидуализированное общество», Ж. Бодрийяра «Общество потребления», Зб. Бжезинского «Between two ages...» и др.

Особую позицию библиографии представляет собой фундаментальная работа Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования», ставшую классической как для постиндустриальной информационной социальной парадигмы, так и для футурологической научной прогностики.

Оригинальная концепция «постэкономического общества», анализ социально-экономической и культурной ситуации современности и в социальной перспективе, дана в трудах Вл. Л. Иноземцева, в том числе в монографии «Расколота цивилизация».

Разработке проблем методологии прогнозирования, непосредственно анализу трендов современности в отечественной традиции посвящены фундаментальные исследования академика И. В. Бестужева-Лады.

Отечественная прогностика и футурологические исследования представлены в статьях Н. А. Агаджаняна по экологической антропологии, С. Выгонского, М. Делягина, Н. Н. Моисеева, А. Неклессы, С. Переслегина, С. Д. Хайтуна. В той или иной степени футурологическую и прогностическую компоненту содержит большинство отмеченных выше исследований по теориям постиндустриального и информационного обществ.

Зарубежная футурологическая традиция представлена социологическими трудами Ж. Аттали, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы и др.; философским осмыслением перспектив виртуальной социальности П. Вирильо; узкоспециальной работе по развитию менеджмента П. Ф. Друкера.

Критическое осмысление перспектив развития социума дается в статье Жюлья Делеза «Общество контроля: Postscriptum», в работах членов Римского Клуба, в частности, Э. Пестеля.

Оригинальные аналогии между историческими реалиями и социальными перспективами проводятся в статьях, лекциях и эссе философа, писателя и медиевиста Умберто Эко «От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст» и «Средние века уже начались».

Футурологическая проблематика, так или иначе, присутствует в уже упоминавшихся работах Д. Белла, М. Кастельса, Ф. Уэбстера и пр.

Политологический и стратегический анализ представляет собой отдельную сторону зарубежной футурологической традиции – она представлена трудами И. Валлерстайна, Зб. Бжезинского, С. Хантингтона и пр.

Необходимой частью исследования стал анализ феноменов фантастического в художественном творчестве, жанра научной фантастики в литературе. Следует

отметить работы А. Б. Косаревой, А. Н. Фетисовой, диссертацию Т. В. Тимошенко, и т.д. Вопросы фантастиковедения и природы фантастического освещались в диссертации и статьях челябинской исследовательницы Е. Л. Трушниковой, которая провела анализ генезиса и развития фантастического в культуре человечества с древности до современного этапа развития.

Исследование феноменов утопии и антиутопии было бы невозможным без анализа фундаментальных трудов Э. Я. Баталова, Е. Щацкого, М. Шадурского. Специально проблематика утопии, как социально-философского феномена, утопического сознания, утопии как специфического литературного жанра была освещена в диссертационных исследованиях М. А. Кяровой, О. Ю. Максименко, Л. А. Морщиной, Т. С. Стяжкиной, И. В. Фроловой, С. А. Шишулькиной и др.

Занимались проблемами определения жанра антиутопии, вопросами его развития, становления традиций антиутопической литературы в России и за рубежом такие исследователи, как Ю. А. Борисенко, Т. Н. Клименко, Е. Ю. Козьмина, О. В. Лазаренко, Е. В. Малышева, З. И. Плех, С. С. Романова, А. В. Тимофеевой и др. Наиболее развернутая разработка проблематики русской антиутопической традиции дана в трудах и диссертационном исследовании Б. А. Ланина. Специально проанализирована специфика антиутопического жанра в драматургии в статье Ли Сын Ока. Частные вопросы антиутопической проблематики в творчестве отдельных авторов или в рамках отдельных краткосрочных исторических периодов изучались Е. В. Бородой, И. В. Головачевой, Н. Е. Лихиной, С. М. Козловой и пр.

При написании диссертации также привлекались исторические и историко-культурные работы Г. М. Бонгард-Левина, В. М. Строгецкого, Д. Э. Харитоновича и других по проблематике социальных отношений, экономики, специфике сознания и картины мира в древности и средневековый период. Для анализа этих проблем использовались исторические источники из разных культур и исторических периодов: трактаты по военному и гражданскому управлению «Искусство войны» Сунь Цзы и «Книга правителя области Шан» Шан Яна, работы и произведения античных классиков и христианской патристики – поэмы «Труды и дни» Гесиода, «О природе вещей» Тита Лукреция Кара, «Исповедь» Августина Аврелия и пр. Для осмысления «фронтирного подхода» к феноменам виртуальной социальности привлекались исследования Н. Ю. Замятиной и Д. И. Олейникова. Социологические работы А. В. Жаворонкова и В. Н. Бокова освещают различные спорные аспекты теорий постиндустриального и информационного общества:

природу услуги (сервиса), уровень семиотической подготовки населения (сравнительный анализ современности с исторической ретроспективой) и т.д.

Объект исследования: будущее как модус социально-исторического времени в аспекте прогностической функции культуры и социологического анализа.

Предметная область исследования: социальная, творческая и научная рефлексия будущего, как исторической перспективы развития человечества. Взаимосвязи и взаимовлияния произведений антиутопического жанра с футурологическими концепциями, выраженные в феноменах культуры и социальных отношениях и представленные коллективными ожиданиями трансформации природы этих феноменов в будущем.

Цель исследования заключается в критическом анализе представлений об образе будущего в футурологии и антиутопиях.

Для решения поставленной цели нами были поставлены следующие задачи:

1. Провести краткий обзор феноменов времени в философии, социогуманитарных и точных науках;
2. Выделить типические и уникальные черты образа будущего в ряду образов прошлого и настоящего, в сравнении с физической картиной мира;
3. Определить формы и типы прогнозирования, разработать иерархически-структурную модель типов прогнозирования в современном социуме;
4. Провести сравнительный анализ основных футурологических подходов к концептуализации современности и перспективно-историческому развитию;
5. Рассмотреть проблему детерминации основных социокультурных характеристик виртуальной социальности ее специфической пространственной природой;
6. Построить интегральную картину образа будущего, разработанного в современной футурологии;
7. Изучить феномен антиутопии как специфического жанра художественного творчества и особого типа рецепции будущего (выделить типические и уникальные черты антиутопии в сравнении с утопией и научной фантастикой; определить социокультурные и культурфилософские критерии выделения антиутопии как самостоятельного жанра).
8. Выявить специфику образа будущего, представленного в антиутопиях (представить результаты в виде социальной модели:

проанализировать антропологические теории художественных антиутопий, социальную структуру, социокультурное пространство).

9. Дефиницировать специфику инструментария социально-политического управления, также определяющую социокультурное пространство антиутопических моделей

Теоретико-методологическая база исследования. Специфика исследования дискурса будущего в науке и художественном творчестве требует выхода за пределы одной научной дисциплины, привлечения теоретических подходов и конкретных фактов из практически всей области социогуманитарного знания. Исследование имеет культурфилософскую междисциплинарную природу, однако в основе его лежит несколько основных подходов:

Семиотический подход, который в отечественной науке разрабатывался представителями тартусско-московской школы, Ю. Лотманом и др., позволил подойти к работам классиков футурологии не просто как к результатам социального, экономического, политического анализа, но и как к результату социальной рефлексии проблемы будущего. Образ будущего как любой феномен культуры существует в определенном символическом поле, которое породило традицию восприятия реальности, некритически усваиваемую и ретранслируемую значительным числом современных исследователей. Семиотический анализ стал одной из основ исследования литературных и иных художественных источников диссертации – антиутопий. Анализ знаковых систем моделируемых авторами антиутопий социумов, которыми насыщены тексты антиутопий, позволил построить интегральный антиутопический образ будущего, невзирая на формальную противоречивость отдельных элементов различных антиутопических моделей.

Герменевтический подход, который разрабатывали Х.-Г. Гадамер, П. Рикер, Богин Г.И. и др., позволил проанализировать тексты антиутопий с позиций целеполагания, носимых смыслов, предполагаемых и реально-осуществляемых функций. На основе герменевтического подхода была проведено междисциплинарное микроисследование исторического смыслообразования в антиутопических моделях.

При помощи компаративистского метода мы провели итоговый сравнительно-исторический анализ материалов научного дискурса будущего и «превентивного переживания» будущего в художественном творчестве. Сравнительно-исторический метод также использовался при анализе футурологических концепций – для анализа отдельных феноменов, отмечаемых

исследователями-постиндустриалистами, как уникальные черты постиндустриального, информационного и пр. общества, в исторической ретроспективе.

Исторические методы стали базой исследования взаимовлияний антиутопий и футурологических концепций в течение XX – начала XXI века.

Для анализа функций антиутопий и разработки проблемы понимания антиутопии как цельной социальной модели мы обращались к функциональному и системному методам исследования.

В рамках исследования привлекались сведения из смежных областей знания: философии, истории, политологии, социологии, психологии, искусствоведения, экономики и т.д.

Источниковой базой исследования стали тексты литературных антиутопий, привлекались также материалы компьютерных интерактивных развлекательных программ (компьютерных игр), кинофильмов-антиутопий (экранизаций литературных антиутопий и самостоятельных в художественном отношении произведений), современные музыкальные произведения.

Научная новизна и теоретическая значимость:

1. Выявлена значимая взаимосвязь между системой ценностей и норм, социальной рефлексией и восприятием модусов времени в циклических и линейных «моделях» времени

2. Формализовано понятие «образ будущего»; выделены его универсальные (типичные и для образов иных модусов времени) и специфические черты: открытость к изменениям при одновременной субъективной завершенности на каждый данный момент времени, фрагментарность, субъективность, формирование на базе как индивидуальных представлений, так и коллективных ожиданий и т.д.

3. На основании проанализированного соотношения научного и творческого компонентов в процессе прогнозирования разработана классификация прогнозов по принципу основания возможной релевантности прогноза (для воспринимающего субъекта).

4. С позиций сравнительно-исторического анализа феноменов постиндустриального и информационного общества предложена концепция понимания их как результата фронтального функционирования отдельных «областей» современной социокультурной реальности.

5. Определены основные черты образа будущего, который формируется современной футурологией – на основании данного образа предложена концепция

понимании современного этапа развития общества как Мульти-Эры (мульти-общества): взаимодействия различных, как исторически уже сложившихся, так и транзитных форм социальности, локализованных внутри отдельных обществ или интегрированных в общечеловеческую цивилизацию при увеличении значимости фактора исторически-динамического неравновесия разных сфер социальной жизни, экономики, культуры и пр.

6. Выделены социокультурные и культурфилософские критерии жанра антиутопии (построение сравнительно-реалистической модели общества, чьи ценности и нормы неприемлемы для читателя и, одновременно, основаны на утопических, идеологических или актуально-политических представлениях об устройстве идеального общества; ориентация на изображение негативных черт таких социумов: государственного насилия, культа вождя, кардинальные изменения человеческой природы, традиционных социальных институтов и т.д.). Выявлены такие функции антиутопии как деспераритивная (исторически-перспективного «обезнадеживания»), интерпретационная (по отношению к данной социальной реальности); провоцирующая (для форм и феноменов актуальной социальности); определен модельный характер антиутопии

7. Представлены интегральные образы будущего в научном дискурсе (футурология) и художественном творчестве (антиутопии): дан сравнительный анализ по основным культурным и социально-политическим характеристикам моделируемых социумов (отношения власти, природа человека, роль информации, развитие культуры, мутация социальных институтов и т.д.)

8. Воздействие образа будущего на протекающие в настоящем события определено как вероятное (а не просто допустимое или возможное); определено негативное влияние антиутопий на историческую перспективу развития общества через механизм трансляции и актуализации антиутопической идеи при «сдвиге» системы ценностей реального общества.

9. Дефиницирована необходимость социальной и этической ответственности автора-прогнозиста (будь то антиутопия или футурологическая работа) относительно непреднамеренного влияния на текущую ситуацию, специальной спекуляции или «незапланированных последствий».

Положения, выносимые на защиту:

1. Будущее как один из трех модусов времени сопряжено в социальной рефлексии не только и не столько с его физической природой будущего, сколько с аксиологическими переживаниями перспектив развития. Модусы времени определяются относительно друг друга через сравнение систем ценностей, норм.

2. Образ будущего как ментальный феномен имеет следующие приоритетные характеристики: субъективность, фрагментарность, неокончателность в целом и завершенность для каждого данного момента времени. Образ будущего формируется как в общественном, так и в индивидуальном сознании каждого конкретного индивида.

3. Современная футурология, де-факто, находится на «авторитетном» уровне прогнозирования (опирающемся на научный или социальный авторитет прогнозиста), релевантность ее «научных» рациональных методов постоянно критикуется.

4. Теория постиндустриального или информационного общества в существующем виде, невзирая на свое консенсусное доминирование среди социальных парадигм, не является безусловно верной. Исторический анализ позволил поставить вопросы о степени уникальности «сервисной» природы постиндустриального общества.

5. Современные информационные технологии сформировали особое, динамично расширяющееся особое агеографическое пространство – киберреальность (виртуальную реальность цифровых коммуникаций), которая является территорией «фронта». Взаимодействие информационного фронта с феноменами актуальной социальности стало основанием для становления радикальных футурологических прогнозов относительно социальных сдвигов современности и исторической перспективы.

6. Определение антиутопии как самостоятельного жанра художественного творчества (прежде всего, литературы) возможно только через систему социокультурных и культурфилософских критериев: восприятие социума как антиутопического зависит от субъективного видения представленной модели читателем. Основной процедурой формирования «ощущения антиутопического» является перверсия системы ценностей моделируемого социума относительно современного автору общества при сопереживании (самоотождествлении) читателя герою.

7. Конкретными чертами антиутопичности социума (в рамках литературной модели) являются: иерархизация социума, репрессии, контроль и программирование социальных и индивидуальных действий, идеологизированность общества и индивида в синтезе с религией. Основные элементы идеологии: социальная стабильность как главная цель и власть вождя как инструмент ее достижения.

8. Образ будущего футурологии совпадает по большинству частных черт с образом будущего в антиутопиях. Принципиальное различие заключается в эмоциональной доминанте восприятия будущего. Антиутопия – пессимистична, футурология же в большинстве своем – оптимистична. Хотя, конечно, весьма важны различия в методике построения прогнозов.

9. Этическая и социальная ответственность в форме воспитания «прогностической культуры» является необходимым элементом развития прогностики как области рационального или научного знания, художественного творчества, мистического переживания. В культурном смысле необходимо не бороться с антиутопиями, а актуализировать утопии как жанр, избегая актуализации утопического сознания, особенно в политико-историческом мышлении.

Практическая значимость исследования. Выводы из работы могут быть использованы при разработке новых прогнозов социального развития и для коррекции существующих концепций исторического развития.

Результаты исследования позволяют скорректировать юридически-нормативную базу функционирования социума с принятой концепцией социального развития: например, определить баланс защиты прав автора и интеллектуальной собственности и необходимости расширяющейся свободы информационного обмена

Материалы диссертации могут быть использованы для преподавания таких дисциплин, как культурология и история культуры, межкультурная коммуникация, социальная философия и история философии, социология, история социологической мысли, социальное прогнозирование, в курсах истории русской и зарубежной литературы XX века.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования неоднократно обсуждались на международной научно-творческой конференции молодых ученых, аспирантов и соискателей «Молодежь в науке и культуре XXI века» (Челябинск 2007, 2008, 2009), на кафедре культурологии и социологии ЧГАКИ.

Результаты исследования также представлены в 5 публикациях, общим объемом 19,4 печатных листов, в частности в монографии «Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопии».

Структура диссертации задана логикой исследования, обусловлена последовательностью достижения поставленной цели и решения необходимых задач. Диссертация состоит из введения, трех глав (в девяти параграфах),

заклучения и списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации 199 страниц, библиографический список включает 201 источник.

II. Основное содержание диссертационного исследования

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования и характеризуется степень ее разработанности, осуществляется постановка проблемы, формулируются цели и задачи, определяются методологические и теоретические основания исследования, его источниковая база и научная новизна, характеризуется теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся сведения об апробации исследования.

В **первой главе «Феномен времени: прошлое, настоящее и будущее в физической реальности и субъективном восприятии»** автор раскрывает современные подходы к пониманию сущности фундаментального времени и концептуальных пониманий времени (исторического, социального, биологического и т.д.). Анализ связей социальных концепций в аксиологическом и этическом аспектах с представлениями о модусах времени в мифологических линейных и циклических моделях позволяет ставить вопрос о необходимости анализа футурологических и антиутопических представлений о будущем также на основании их аксиологически-этической, эмоциональной и пр. составляющих. Автор определяет три уровня прогнозирования по критерию «источника релевантности» - мистико-религиозному переживанию, авторитетности прогнозиста, научности методологии. Это позволяет выявить целесообразность сравнения футурологического образа будущего именно с антиутопическим.

В **параграфе 1.1. «Феномен времени: прошлое настоящее и будущее в физической реальности и субъективном восприятии»** определяется понимание времени как меры изменений (движения, развития и т.д.) мира, дается анализ основных моделей времени (линейной и циклической), указывается связь между восприятием прошлого и действующей системой ценностей, этикой и т.д. Модусы времени – будь то прошлое или будущее – определяются как зависящие в восприятии индивида от его ценностных ориентаций, системы общественных норм, которым он подчиняется.

Циклическая модель времени, представленная, например, в мифологии Древней Индии, имеет четкую связь с социальностью; в линейной модели времени – в ее «конечном» варианте – этизация восприятия прошлого или будущего достигается за счет существующих эсхатологических представлений – будь то

Грехопадение и Страшный Суд в христианстве, или Рагнарек в скандинавском язычестве.

В данном параграфе рассматривается также проблема дефиниции «концептуальных» времен, отмечаются сложности при разграничении понятий исторического и социального времени. Автор указывает на то, что оба этих концептуальных времени являются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Однако попытки рефлексии исторического и социального времен неизменно сталкиваются с вопросом о правомерности построения любых периодизаций. Разбиение непрерывного исторического процесса на конечные периоды – пусть и существующее лишь спекулятивно для сторонника периодизации – искажает понимание исторического процесса как непрерывного. Это приводит или к осознанию необходимости уточнения периодизации (уменьшения хронологических масштабов исторических периодов); или к попыткам построения некой статичной законченной модели для каждого периода (особенно актуальными тогда становятся работы, создающие статичный образ настоящего, чем отличается и постиндустриальная концепция, не взирая на декларацию постоянных перемен). Все это позволяет ставить вопрос о том, что периодизация или «масштабирование» рационально применимы лишь к модусу прошлого.

В параграфе 1.2. «Определение понятия “образ будущего”» определяется, что работа с любыми представлениями о будущем, исходя из выводов первого параграфа, затруднена в силу невозможности рационального определения каких-либо «феноменов будущего» на хронологической прямой. Верификация прогнозов, таким образом, оказывается затруднена. Определяется, что «образ будущего» - понятие, которым оперируют большинство гуманитарных наук, не дефинируя его при этом строго. Анализ существующих определений понятия образ будущего выявил их уязвимость для критики – склонность к нравственно-этическому «презентизму», однозначно-предполагаемую проектность образа будущего и даже более того – определение влияния образа будущего на развитие событий в качестве детерминирующего (распространение случая «самореализующегося прогноза» на все прогнозы в принципе). Автор определяет влияние образа будущего на развитие событий в настоящем не в качестве детерминанты конкретных событий, а в качестве фактора непредсказуемости (прогноз может служить как искажению реальных событий, так и спровоцировать их). Проектное понимание образа будущего предполагает доминирование позитивного образа будущего; прогностическое понимание предполагает существование необходимой компоненты предостережения.

На основании анализа ряда работ по феномену социальной перспективы и образу позитивного будущего устанавливается необходимость условной вербализации образа будущего (представления его в виде набора символов – не обязательно текстуального описания), дано понимание будущего и его «образа» в качестве виртуального феномена.

Предлагается определение образа будущего как *комплекс социальных ожиданий относительно перспектив развития социума, основанный на явлениях актуальной социальности, научной прогностике, творческом осмыслении и индивидуальных переживаниях носителя, воплощенный ментально, вербально и/или визуально, имеющий четкую эмоциональную и ценностную наполненность («хорошее» или «плохое» будущее) и оказывающий влияние на настоящее.* Выделяются такие черты образа будущего как фрагментарность, субъективность, завершенность в каждый данный момент времени при общей открытости к дальнейшим изменениям и пр. Устанавливается сквозной характер этих черт также для образов прошлого и настоящего, для физической картины мира. Это позволяет сделать вывод о том, что затрудненность верификации прогноза делает значимыми для его воспринимаемой релевантности не столько научность методов, сколько авторитетность прогнозиста. Это позволяет поставить вопрос о необходимости классификации прогнозов по основанию воспринимаемой релевантности и взаимоотношениях футурологических (научных) и антиутопических (творческих, художественных) представлений о будущем.

В параграфе 1.3. «Научное прогнозирование и художественное творчество как механизмы формирования «образа будущего»» автор выделяет на обозначенном выше критериальном основании следующие уровни прогнозирования: мистико-религиозный, авторитетный и научный. Первый уровень основывается на мистическом переживании и принципиально не нуждается в рациональном обосновании и верификации. Воспринимаемая в настоящем релевантность прогнозов авторитетного уровня определяется доверием воспринимающего субъекта прогнозисту (его авторитетом). Прогнозы этого уровня нуждаются в аргументации или ином способе подтверждения прогностического авторитета. Релевантность прогнозов третьего уровня определяется научной методологией их построения. Определяется фактическое сочетание авторитетного и научного уровней прогнозирования в работах известных футурологов – Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы и т.д. – это является причиной распространения спекулятивных и откровенно-ошибочных прогнозов. Отмечается, что высокая степень социального доверия авторитетным прогнозистам уменьшает

критичность восприятия прогнозов, провоцирует прогнозы низкой реальной релевантности.

Автор определяет, что антиутопии и футурологические прогнозы научно-популярного свойства (так же как и некоторые «строго-научные» работы футурологов) находятся преимущественно на авторитетном уровне прогнозирования, что делает сравнение образов будущего, представленных в них не только допустимым, но и целесообразным – поскольку и воздействие на воспринимающего субъекта определяется не научной релевантностью, а доверием (авторитетом) прогнозисту.

На основании классификации футурологических подходов, предложенной Р. И. Вылковым (при коррекции критериев этой классификации – с методологии прогнозирования на отношение к актуальному действию индивидов в настоящем) утверждается, что именно прогностической футурологической компонентой в наибольшей степени обладают прогнозы условно выделяемой общности «школы постиндустриализма». При этом определяется, что выделить именно строгую футурологическую компоненту в работах любой «школы» прогнозирования достаточно сложно – поскольку все они отталкиваются от концептуализации современности; значительная часть прогнозируемых тенденций наблюдалась уже в момент написания прогноза и отмечалась именно как тенденция важная в перспективе без какой-либо конкретизации ее будущих черт.

Глава вторая «Образ будущего в футурологических концепциях: позитивное осмысление перспектив развития человечества» посвящена анализу футурологических концепций социального развития. Автор анализирует основные положения социальной прогностики постиндустриальной и информационной теории, определяя проблему научного осмысления феномена информационного общества как уже существующего, так и находящегося только в начале пути формирования. В рамках критики концепций постиндустриального и информационного общества выявляется важность обращения к понятиям «информация» и «информационное пространство». Это позволяет автору выйти на проблему исторической повторяемости социокультурной ситуации фронта (осваиваемого пространства), в том числе и для феноменов современной виртуальной реальности Интернет-коммуникаций. Анализ основных черт социальности в образе будущего футурологических концепций (и неделимо связанных с ними концептуализациями современности) позволяет автору предложить термин Мульти-Эра (мульти-общество) для определения

современного этапа развития, целесообразность введения которого раскрывается в третьем параграфе второй главы.

В параграфе 2.1. «Критический анализ концепций постиндустриализма как основной футурологической концептуализации» автор определяет некоторые уязвимые моменты научных концепций, которые условно можно обозначить как «школа постиндустриализма» (включая сюда концепции посткапиталистического, информационного, технетронного, постэкономического, супер- или гипериндустриального общества и т.д.). В разделе рассматривается сама уязвимость префиксного «пост»-подхода для определения настоящего (или будущего) как «отрицания» предыдущего этапа развития. Автор указывает слабую аргументированность исторически-исключительного характера современного общества как общества услуг (с учетом существования в древности и, например, в Средние века) феномена домашнего сервиса, широко распространенного; с учетом неопределенности природы услуги в экономической науке. Еще более важным представляется неразделенность в постиндустриальных теориях (во всех ее вариациях) понятий знания и информация, тезиса о уникально-массовой коммутации знаний (автор указывает на гораздо большую распространенность информационного «шума» или «мусора» \ трэша, имеющего низкую ценность по сравнению с действительно полезными знаниями). Этот аргумент тем более обоснован в силу заявления Э. Тоффлером и другими сторонниками теории постиндустриализма об информации как стратегическом ресурсе власти, который не может быть отдан в «свободный доступ» любому человеку, а также в силу неучтенности теоретической компоненты знания или ее «эрзаца» в деятельности людей в другие периоды (алхимические штудии средневековых ремесленников и т.д.). И, наоборот, исследователи-постиндустриалисты переоценивают эту компоненту в настоящем (где деятельность большинства людей столь же слабо зависит от теоретического фундаментального знания как и в древности). Принимаемое в социально-философском дискурсе определение информационного общества при широкой трактовке понятия «технология» позволяет определить Афины V века до н.э. (Классический период) как информационное общество. Это является безусловной спекуляцией, если принимать компьютерно-технологический вариант трактовки информационного общества; и является достаточно верным, если понимать, что общество возникает только в результате обмена информацией, то не-информационных обществ не бывает. Это привлекает внимание к дихотомии: «информационное общество уже состоялось в основных

своих чертах» - «информационное общество возможно только начинает формироваться и никто не может точно определить его будущие характеристики».

В параграфе 2.2. «Концепция “виртуального фронта” как решение проблемы низкой релевантности прогнозов на базе постиндустриально-информационной теории» автор акцентирует внимание на том, что понимание виртуальной социальности как фронта предлагалось многими исследователями, однако только в качестве указания на его «передовой характер», без анализа типической социокультурной ситуации. Базируясь на анализе основных черт социальности фронтальной территории, который был проведен Н. Ю. Замятиной, автор обнаруживает совпадение их с чертами социальности информационного фронта – виртуальной реальности Интернет-коммуникаций. Принципиальная возможность такой аналогии обосновывается определением виртуальной реальности именно как **пространства**, однако агеографического свойства и существованием в этом – информационном – пространстве специфических явлений социальности.

Основные черты фронтальности, которые определяются автором как ключевые черты социокультурной ситуации виртуального информационного пространства следующие:

- фронт – зона неизвестного, «осваиваемая территория», которая имеет сравнительно низкую плотность населения, а граница фронта непрерывно смещается географически (до исчерпания возможностей экспансии или географических барьеров) – в виртуальном пространстве эта граница теоретически неисчерпаема;
- фронт слабо сопряжен с зоной действия государственных законов; как следствие право силы и ее культ в среде «обитателей» фронта порождает ироническое, неуважительное отношение к окружающим;
- в результате социальной коммуникации фронта и «старых земель» актуализируется фронтальная мода, символика, идеология, романтизируется определенный «фронтальный» тип личности и образ ее действий
- пожалуй, самая важная характеристика фронта – это свобода. В силу этого на территории складывается «стихийная демократия», основанная на индивидуализме обитателей при одновременном стремлении собираться в сообщества,
- фронт – территория легкого внедрения инноваций, межкультурного обмена, он терпим к «инородцам», вместе с тем, всегда требует четкой социальной самоидентификации

- упрощение религиозных обрядов, снижение требований морали, «распущенность» нравов, стремление к обогащению. Фронтирная культура провозглашает главными ценностями силу, красоту и богатство, избегая при этом потребительски-гедонистической установки: фронтир становится зоной завоевания возможности для гедонизма, но не потребления.

В основании анализа социокультурной ситуации фронта были положены исследования Н. Ю. Замятиной и авторские выводы из анализа феноменов современной виртуальной социальности.

Фронтирный характер виртуальной социальности позволяет решить проблему низкой релевантности постиндустриальных прогнозов: априори предполагается, что отмечаемая авторами прогнозов тенденция будет распространяться на все общество; однако в силу взаимодействия социумов освоенной и осваиваемой территорий тенденции развития социокультурных феноменов искажаются. Территория Интернет-коммуникации перестает быть только фронтиром как несколько десятилетий назад и воспроизводит черты актуальной социальности; но последняя также трансформируется и под воздействием передовых технологий. Исследование только одного направления взаимодействий (из виртуальной социальности в актуальную) при некритически-линейном расширении «глубины» тренда в будущее становится причиной низкой релевантности прогнозов такого рода. Концептуальный и критический анализ постиндустриальных теорий позволил обратиться к конкретизации образа будущего в футурологии.

Параграф 2.3. «Основные черты образа будущего в футурологических концепциях» посвящен раскрытию прогнозируемых черт социальности в исторической перспективе развития человечества. Автор предлагает построение «синтетического» образа будущего (в соответствии концептуальными положениями параграфа 1.2.) как определенной мозаики черт, феноменов и тенденций. Выделяются такие основные направления анализа футурологических концепций, как:

- образ (природа) человека в будущем (управляемость, некритичность в восприятии информации, потребительские приоритеты в отношениях с обществом, природной средой и пр.);

- роль информации, взаимоотношения процессов информационного обмена с «традиционными» для современности моральными нормами и ценностями,

- «ускорение» социального времени в силу увеличения объемов инноваций, изменение в силу всего вышеперечисленного характера социальных связей (их протяженности, принципов иерархической организации и т.д.),
- эскалация гедонистически-потребительских ценностей,
- идеологические перверсии и изменения в понимании природы и границ демократического управления,
- влияние на социальность ограниченности ресурсов и проблемы их истощения в обозримом будущем.

Результатом анализа образа будущего, критики концептуальных положений теории информационного (постиндустриального) общества и введения концепции «кибер-фронтiera» стало терминологическое решение «Мульти-Эра» (определение современности и исторической перспективы как эпохи синкретичного соединения отдельных черт социальности из разных традиций и временных эпох даже в рамках одного социума). Такая характеристика объясняет, почему за более чем сорок лет развития, нацеленного на постиндустриализацию социокультурной унификации на основе процессов глобализации не произошло, почему столь велика роль идеологических, религиозных, этнических и цивилизационных конфликтов в современном мульти-мире. Она позволяет отойти от бесперспективных попыток определить доминирующий фактор развития или сферу социальных отношений, исключить префиксный «пост»-подход к терминологическому определению.

Сверхпередовой информационный «фронтier», постиндустриальный «средний запад», индустриальный центр, аграрная религиозно-традиционная окраина и каменный век, который лежит фактически за пределами «ойкумены» - таково схематичное, предельно-упрощенное отражение обществ мульти-эры.

В главе третьей «Антиутопический образ будущего: негативное осмысление перспектив развития человечества» рассматриваются проблемы социального прогнозирования применительно к традиции антиутопической литературы (расширяющийся на другие области художественного творчества – кинематограф, музыку, компьютерные игры, комиксы и т.д.). В этом разделе уточняется понятие утопии и антиутопии как жанров литературы (или художественного творчества в целом), анализируются характерные черты социумов, моделируемых в антиутопиях.

В параграфе 3.1. «Утопия и антиутопия: смысл и функции жанров» анализируются существующие подходы к пониманию утопии как литературного произведения, выделяются существенный недостаток большинства дефиниций

этого понятия – наличие деконкретизированного аморфного ядра определения – «идеальное справедливое \ счастливое общество», при котором упускается противоречие между всеобщим счастьем и справедливости в обществе разнящихся индивидов; сам виртуальный характер этого общества и пр. Автор предлагает определить утопию как *художественное произведение, в котором представлена виртуальная модель (образ) общества, отвечающего критериям максимально представимой автору социальной справедливости и всеобщего счастья в условиях стремящейся к идеалу человеческой природы, которая альтернативна социальному настоящему и по замыслу автора должна выступать ориентиром будущего.* Это позволяет определить и понятие антиутопии (генетически связанное с понятием утопии). При этом за основу берутся не художественно-стилевые, литературоведческие критерии, а культурный и социально-философский смысл произведений этого жанра. Антиутопия определяется автором, как *художественное произведение (не обязательно литературное), в котором представлена ценностно- и эмоционально- максимально неприемлемая для автора и читателя социальная модель, номинально несущая гуманистические функции предупреждения негативных вариантов развития общества в будущем, исходя из существующих тенденций или на основе альтернативных социально-политических, экономических и культурфилософских концепций.*

Основные критерии жанра антиутопии определяются автором следующим образом:

1. ценностная, этическая, эмоциональная неприемлемость моделируемого социума для читателя
2. наличие героя, противостоящего социуму для углубления действия обозначенного выше фактора
3. актуализация специфических черт социальности (государственное насилие и контроль социума, девальвация культуры, семейных ценностей, искажение привычных моральных норм и институтов их трансляции, в том числе религии, доминирующей идеологии; в идеале это искажение вступает в противоречие не только с привычной читателю моралью и ценностями, но и со «здравым смыслом» обыденной логики и жизненного опыта и т.д.)

Автор выделяет такие специфические функции антиутопий (до сих пор не введенные в научный оборот), как интерпретационная по отношению к существующей реальности; деспераритивная («обезнадеживающая») по отношению к образу будущего; провокационная для феноменов актуальной социальности.

Такие критерии позволяют проанализировать образ будущего, данный в антиутопиях в социокультурном аспекте.

В параграфе 3.2. «Основные черты социальности художественных антиутопий» автор рассматривает некоторые специфические феномены и социальные отношения, которые присущи антиутопическим моделям. Определяется, что общество антиутопии подчинено некоей декларативной сверхзадаче: поддержанию социальной стабильности, власти вождя (правлящей группы), достижению всеобщего «аморфного» счастья.

Социальная стабильность и власть вождя относительно друг друга являются одновременно и целью, и средствами: стабильность позволяет вождю осуществлять свою власть, при помощи власти вождя стабилизируется социум.

Человек в таком социуме обладает характерными чертами личности и связан определенной системой отношений с государством: он должен быть управляем – глуп, предан, не критичен по отношению к реальности, трудолюбив или работоспособен, представляет собой экономический ресурс как трудом, так и биохимической составляющей – организмом. Идеальный человек антиутопии является потребителем по отношению к обществу, природе, другим людям; при этом он деперсонифицируется, перестает быть личностью. Общество разделено на группы сегрегации (с выделением стратов-изолятов); сегрегация распространяется на отношения между полами, возрастными группами и пр. Семья как социальный институт, исполняющий определенные функции социально-психологической, экономической, биофизиологической поддержки своих членов, перестает существовать вообще, либо деформируется в пользу одного из обозначенных направлений.

В параграфе 3.3. «Негативные инструменты управления социумом в антиутопиях» автор определяет способы, механизмы управления тем социумом, основные черты которого даны в предыдущем разделе. Эти инструменты управления, наряду с чертами социальности, обозначенными выше, являются основными компонентами образа будущего, данного в антиутопиях.

Взаимодействие идеологии и религии, транслирующих ценности потребительства, ксенофобии, социальной стабильности (послушания государству), влияющих на язык, а следовательно и мышление, призвано парализовать саму идею сопротивления государству антиутопии. Социум антиутопии непрерывно контролируется: для этого используются делаторативная активность населения (добровольное или принудительное доносительство); химические, технологические, психологические средства модуляции

человеческого поведения, технические средства слежения, репрессивный аппарат государства.

Понятие «преступление» исчезает в связи с исчезновением понятия «закона»: социум антиутопии основан на **неписанной** традиции, поэтому преступлением определяется любое отклонение от общепринятой линии поведения. Детонатором и средством легитимации негативных инструментов контроля выступает идея социальной стабильности и вождь, как актер, следящий за реализацией идеи стабильности.

Система быта, повседневного поведения и пр. также регламентирована, основанием и инструментом этой регламентации служат экономические, репрессивные, факторы, поощрение, программирование на основе обозначенных выше инструментов.

В заключении автор определяет основные черты и феномены социальности и культуры совпадающие в образах будущего футурологии и антиутопии:

- перенаселение, нехватка ресурсов, вытекающие из этого конфликты
- влияние на сознание людей, программирование их поведения при помощи химических, психологических, компьютерных средств,
- девальвация культуры, потребительское отношение к миру, обществу, объектам и феноменам социальности, «машинный» подход к человеку, углубление социальной стратификации вплоть до социального раскола, деформации этических и эстетических комплексов и систем, мутация религии, ее упрощение, перверсия ценностей и догм, ее «шоу-изация»,
- этнические, расовые, цивилизационные, глобальные конфликты, страх перед ядерной и/или экологической катастрофой,
- торжество информационного «трэша» / телевидение как канал распространения «информационного мусора» против среды Интернет, как свободной информационно-насыщенной коммуникации,
- общественный стагнанизм при декларации стремительного развития, государственный контроль гибкими и мягкими методами, доминирование идеологии и идеологическая нетерпимость, стремление к распространению идеологии на всю планету \ общество,
- деформация семьи, ее исчезновение, изменение норм сексуальных отношений (поощрение сексуальных перверсий, полный отказ или, наоборот, абсолютная свобода секса), генетические и технологические манипуляции с человеческим телом

Делается вывод о взаимосвязи антиутопической традиции художественного творчества и футурологическими идеями. При этом отдельно отмечается, что совпадение обозначенных выше позиций – результат вербализации идей, которые имеют достаточно длительную историю в человеческом обществе, не являются собственно новационными. Делаются основные выводы из работы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях

*Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах определенных ВАК
МОиН РФ*

1. Тузовский, И. Д. Интернет – территория фронта информационного общества [Текст] / И. Д. Тузовский // Федерализм. – 2009. – № 4. – С. 33-36

Другие публикации

2. Тузовский, И. Д. Антиутопия в зеркале футурологии [Текст] / И. Д. Тузовский // Молодежь в науке и культуре / Материалы VIII международного научно-творческого форума. 2-3 ноября 2009 г. / ЧГАКИ – Челябинск, 2009 – С. 147-150.

3. Тузовский, И. Д. Антиутопия в художественном творчестве как парадигма «образа будущего» в современных социокультурных концепциях [Текст] / И. Д. Тузовский // Молодежь в науке и культуре / Материалы VII международного научно-творческого форума. 6-7 ноября 2009 г. / ЧГАКИ. – Челябинск, 2008. – С. 362-364

4. Тузовский, И. Д. Социально-политические антиутопии как модель «общества контроля» [Текст] / И. Д. Тузовский // Социокультурная реальность : спектр аналитических подходов (Научная школа доктора философских наук, профессора В.С. Цукермана) / Челябинская государственная академия культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ; «Гротеск», 2008. – С. 246-250.

5. Тузовский, И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий : монография [Текст] / И. Д. Тузовский. – Челябинск : Издательство ЧГАКИ, 2009. – 312 с.

Тузовский Иван Дмитриевич

**ОБРАЗ БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
КОНЦЕПЦИЯХ**

(на материале анализа футурологии и антиутопий)

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культуролога

формат 60x84 1/16

Заказ № 1036

Объем 1,5 п.л.

Тираж 110 экз.

Челябинская государственная академия культуры и искусств

454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

Отпечатано в типографии ЧГАКИ